

24 февраля исполнится сто лет со дня рождения известного русского советского писателя Всеволода Иванова. Отношение к нему всегда было двойственным: для того времени он был несколько подозрителен — его книгу о событиях гражданской войны «Возвращение Будды» Радек назвал контрреволюционной, а для нашего времени он так и остался автором «Бронепоезда» и советским писателем. Из беседы с его сыном, известным московским художником Михаилом Ивановым, и из его дневников можно почерпнуть совершенно противоположные сведения.

1962. 21 мая — А по-моему, всякая литература через сто—двести (триста лет уже для Шекспира) отмирает. А почему бы ей не отмирать, когда гибнут целые цивилизации, уходя бесследно во тьму? По-моему, это очень хорошо. Лишнее доказательство бессмертия: умирая в одном, воскресать в другом.

— В настоящее время отношение к советскому прошлому неоднозначно. И к наследию советского прошлого — будь то литература, живопись или что-либо другое. Каково место Вс. Иванова в истории русской культуры, русской словесности в таких условиях?

— Я думаю, нужно говорить о роли культуры в сегодняшней жизни. Культура сейчас никого не интересует. Общество политизировано, и в своей политизации оно искривлено. Все оценки ложные, может быть, за исключением некоторых имен, которые прекрасно укладывались в историю русской литературы и раньше: Мандельштам, Ахматова, Платонов... Когда же встанет вопрос о восстановлении культуры и ее профессиональных компонентов, вот тогда, я думаю, и Всеволод Иванов займет подобающее ему место. Искусство действительно вечно, оно никогда не исчезает. Какой-то ручеек где-то подспудно остается. История искусства много раз это доказывала...

«Весьма странное зрелище — быть чужим на своем собственном пиру. Это мне напоминает 1918 год... Двадцать лет спустя все стало значительно труднее — я зарегистрирован, хожу, могу говорить речи, меня приветствуют, издают — и тем не менее я чужой! Ужасно невыгодно и для них, и для меня. Лучше бы уж изыли. Зачем гноить хороший материал?» (Под изытием Вс. Иванов подразумевал арест. — А.К.).

— Всеволод Иванов всегда считался благополучным классиком. Его много печатали, он занимал крупные «литературные» должности. Но широкому кругу был известен только как автор «Бронепоезда 1469». Ведь это трагично для писателя?

— Все очень просто: политика кнута и пряника. Что-то печаталось, человек привыкал к известности, потом он пытался сопротивляться «руководящей линии», его насильно втискивали в прежнее русло, хотя бы молчаливым издателем. Стереотип жизни задавался определенным, и очень трудно было его ло-

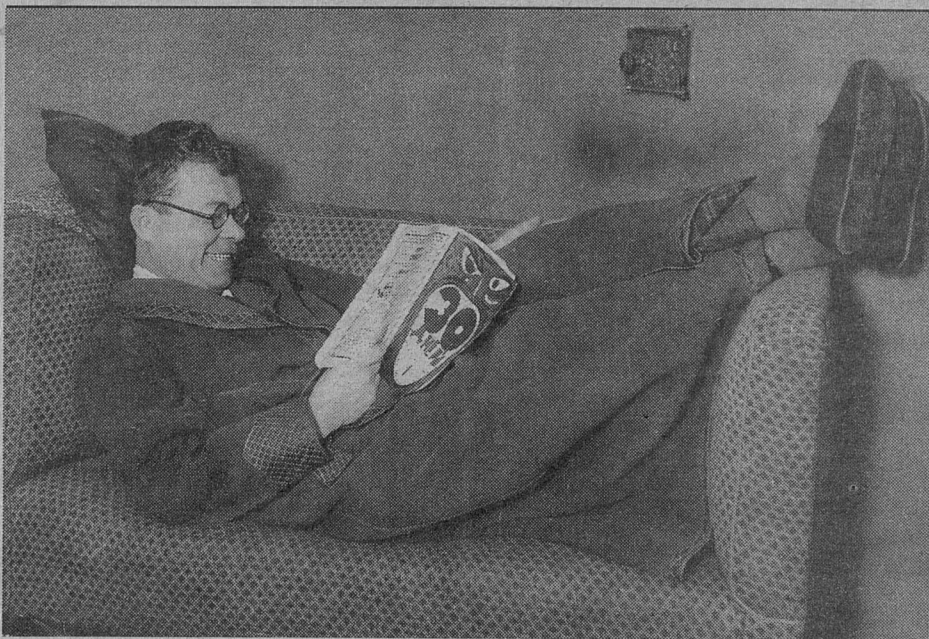
мать. Не все могли вести себя, как Пастернак...

22.05.1939 — У Мейерхольда... Толстой (Алексей Николаевич. — А.К.) шепнул Мейерхольду, что «Половчанские сады» — дрянь, но, когда Фадеев сказал, что... Леонов талантливый человек и надо его защищать, Толстой немедленно согласился... Начинаю говорить о провале «Половчанских садов» Леонова. «Раньше мы были громоотводами, — ежась и

Всеволодом Вячеславовичем приехали ночью, в 1939 году, и забрали его. Нам сказали: в балтийские страны, а соседи — Пастернак и Афиногенов — решили, что его взяли. В Переделкине одна четверть была арестована.

22.05.1939 — Об аресте Бабеля узнали так: утром пришел монтер и сказал: «Пропали сто рублей. Вчера только работу закончил у Бабеля, сегодня пошел получать, а его уже увезли».

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ КЛАССИК

слегка хихикая, говорит Мейерхольд, — а теперь они должны быть сами».

— Переделкино тридцатых—сороковых... Это был писательский рай или гетто для писателей?

— Так и было задумано: поселок, в котором очень удобно следить, все друг друга знают, кто-то дружит, кто-то доносит. Все в одном месте. Да и дачи эти заполнялись, как камеры. Некоторые владельцы не успевали туда заселиться, как их сажали. Например, дача Каменева. Его посадили, дачу отдали Бабелю. И только он сделал ремонт, только-только туда загрузился, как его арестовали. К Федину как-то приехали, он спустился с узелком, а они извинились, сказали, что ошиблись. А может, нарочно решили погугать. Однажды за

— Забавная эволюция: от гетто до Мекки современных литдеятелей. Время было, конечно, мрачное, но ведь у людей было же что-то, какие-то отдушины? Каков круг общения и какие увлечения были у Всеволода Вячеславовича?

1.XI.1942 — Пришли Пастернак, Ливанов и Бажан. Пастернак хвалил Чистополь и говорил, что литературы не существует, так как нет для нее условий и хотя бы небольшой свободы... Он говорил и о замкнутости беллетристики, и о том, что государство — война — человек — слагаемые, страшные по-разному.

— Какие-то привязанности довольно давно определились. Пастернак, Федин, Каверин, Тихонов. Хотя во многом сталинское время делало свои коррективы: люди просто исчеза-

ли. Некоторые люди мелькали все время. Фадеев через наш участок ходил гулять. Почему-то он зачастил под конец, перед самоубийством, не пьяный, но в страшном состоянии заставлял всех садиться и читать «Виз». Это было очень страшно. Самое тесное общение было с Пастернаками, особенно после истории с Нобелевской премией, когда он, оказался в полной пустоте. Мы вместе встречали Новый год, да и каждый день постоянно бежали туда-сюда: от них — к нам, от нас — к ним, через калитку в заборе.

15.XI.1942 — Зашли Довженко, его жена, Ливанов с женой. Критиковали положение в искусстве страшно! (...) Я сказал, что нечего гордиться эпохой и считать себя великими. Все эпохи были велики. (...) Только тогда, когда мы будем считать себя обыкновенными, — тогда появится великое искусство. Если мы все обыкновенные, то нет ничего страшного в наших мыслях. А мы считаем себя столь великими, что никого не слушаем, а только приказываем и кричим да удивляемся, что приказаниям этим плохо подчиняются.

— А что до его увлечений... С молодости он был путешественник и охотник, причем по его фантастическому характеру он вроде бы не должен был попадать в цель, но что-нибудь съедобное вполне мог раздобыть. Его хобби были горы — Алтай, Средняя Азия, Крым. Он очень любил риск. На Карадаге, в Крыму, он спускался на веревке в огромные пропасти. Собирал камни. Для него они были свидетельством древних мифов, сказок. Он любил сказку. Да он и сам сказочным человеком был. Не фантазером, а фантастическим. Трудно было объяснить его поступки, может быть, он был немножко ребенком, больше, чем все мы. Было необъяснимое очарование, благородство, донкихотство, а с другой стороны, и эгоизм, такой немножко Карлсон, в чем-то смешной, а иногда величественный, но в гневе он был страшен. Его очень все любили.

— А каким вы его запомнили?

— Поскольку я был очень близко, я запомнил его человеком несчастным. Приспособляться он не умел и очень от этого страдал. Когда он умирал в больнице, у него был бред, и он все время говорил: «Проиграл!» Как бы в карты проиграл. Но он и не мог выиграть. У него не было шансов. Для каждого художника должно быть свое время.

1.VI.1962 — Вечер Г. К. Паустовского — 70-летие. Старинный особняк переполнен — преимущественно молодежь. На улице, в входах, толпа; толпа и во дворе. Двери крепко заперты: администрация испугалась. И все-таки публика чего-то ждет, радуется и аплодирует сколько-нибудь независимому слову. (...) Публику возбуждает оппозиция, жажда перемен, хотя бы тонюсенькая, в паутинку, щелка свобод. А потом — скука!

Беседу вела Анна КОВАЛЕВА.
Фото из семейного архива.

Мск. новости - 1995. 28 февр. - с.3